МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Беликов Григорий Сергеевич

Речи Максима Тирского, посвященные божеству Сократа, в литературном и философском контексте I–II вв. н.э.

Специальность 10. 02. 14 — классическая филология, византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2020

Работа выполнена на кафедре классической филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Научный руководитель: **Шичалин Юрий Анатольевич,** доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты: **Гринцер Николай Павлович**, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы, директор Школы Актуальных Гуманитарных Исследований (ШАГИ), заведующий Лабораторией античной культуры ШАГИ

Ахунова Ольга Леонидовна, доктор филологических наук, Национальный Исследовательский Университет «Высшая Школа Экономики», ведущий научный сотрудник, профессор кафедры классической филологии Института классического востока и античности

Степанцов Сергей Александрович, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, старший научный сотрудник Отдела античной литературы

Защита диссертации состоится «03» декабря 2020 г. в 16 часов 30 минут на заседании диссертационного совета МГУ.10.09 Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

E-mail: classic@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»:
http://istina.msu.ru/dissertations/328065182/

Автореферат разослан 27 октября 2020 г.

Ученый секретарь диссертационного совета кандидат филологических наук Э. В. Янзина

Общая характеристика работы

Реферируемая работа посвящена интерпретации VIII-IX речей Максима Тирского в литературном и философском контексте I-II вв. н.э.

Актуальность исследования

В современной науке наблюдается растущий интерес к греческой литературе римского периода. До нас дошло большое количество текстов совершенно разных по жанру и содержанию. Если эпоха эллинизма представлена по большей части поэзией, то римский период изобилует прозаическими произведениями. Значительную часть сохранившихся текстов относят ко Второй софистике, культурному явлению I–III вв. н.э., о котором подробно будет сказано в дальнейшем. Этот период стал объектом активного изучения лишь во второй половине XX века. На данный момент постоянно выходят новые работы, посвященные как Второй софистике в целом, так и отдельным ее представителям.

Далеко не все авторы римского периода греческой литературы пользуются равным вниманием среди ученых. Речи Максима Тирского, ритора II века н.э., редко привлекали внимание исследователей. В XIX в. и первой половине XX в. его считали софистом, поверхностно рассуждающим о философии, свидетельством чего является оценка, данная В. Кристом в его «Истории греческой литературы»: «Речи дошли до нас случайно, чего их содержание вовсе не заслуживает»[1].

Тенденция изменилась во многом благодаря работе М. Траппа, который в конце прошлого века подготовил новое критическое издание речей, написал статьи для ANRW и Der Neue Pauly, сделал английский перевод с комментариями[2]. В течение последних 20 лет вышли полные немецкий,

[1] Christ W. Geschichte der griechischen Literatur bis auf die Zeit Justinians. München, 1905. S. 734.
[2] Trapp M. Philosophical Sermons: The "Dialexeis" of Maximus of Tyre // ANRW 2. 34. 3. (1997). P. 1945–1976; Idem. Maximus of Tyre // Der Neue Pauly / Cancik, H., Schneider, H., J.B. Metzler (Hrsg.). Bd. 7. (1999) P. 1074-1075; Maximus of Tyre, The philosophical orations. Ed. and transl. by M. B. Trapp. Oxford: Clarendon Press, 1997.

испанский и итальянский переводы речей, а также сборник статей, посвященных Максиму Тирскому, само название которого «Maxime de Tyr, entre rhétorique et philosophie au IIe siècle de notre ère» указывает на смену парадигмы в изучении корпуса[3]. Очевидно, что наиболее продуктивен интердисциплинарный подход, при котором в равной степени учитывается литературный контекст Второй софистики и философский – среднего платонизма. Одностороннее рассмотрение текстов всегда приводило к предвзятым оценкам или к пренебрежению этими текстами. Новый подход, с одной стороны, показывает, как философия распространялась среди слушателей, не имевших философского образования, как при помощи риторических фигур оратор привлекал внимание аудитории. С другой стороны, исследователи Второй софистики часто ограничиваются именами, упомянутыми в «Жизнеописаниях софистов» Филострата, оставляя довольно большой объем текстов без внимания (корпус Максима насчитывает 41 речь).

Именно в этом ключе в диссертации рассматриваются речи Максима Тирского, посвященные божеству Сократа. Эта тема также имеет богатую традицию исследования и продолжает быть актуальной среди ученых. Так как речи Максима входят в плеяду сочинений, посвященных божеству Сократа, они регулярно упоминаются в одном ряду с диалогом Плутарха «О демоне Сократа» и речью Апулея «О божестве Сократа». В то же время сами речи в отличие от двух других текстов никогда не становились объектом самостоятельного исследования, но были лишь сравнительным фоном для Плутарха и Апулея.

Отсутствие отдельного исследования, рассматривающего речи Максима, продолжает линию предвзятого отношения к Максиму Тирскому как не заслуживающему внимания софисту. Полноценное рассмотрение двух речей Максима, учитывающее как литературную (риторическую, связанную со Второй софистикой), так и философскую (связанную со средним платонизмом и

[3] Fauquier F., Pérez-Jean B. (eds.) Maxime de Tyr, entre rhétorique et philosophie au IIe siècle de notre ère. Montpellier, 2016.

прочими философскими школами) традиции, позволяет на этом установленном фоне уверенно интерпретировать их композиционные, жанровые и содержательные особенности.

Объект исследования

Объектом исследования являются две речи Максима Тирского, посвященные божеству Сократа. Выбор именно этих речей обусловлен тем, что на них можно проследить, как религиозно-философская тема (Сократ и его божество) находит воплощение в риторической форме (диалексис).

Фигура Сократа всегда была популярна среди античных писателей, но в I–II веках н.э. интерес смещается к его божеству, что доказывают сочинения Плутарха, Апулея и Максима. Каждое из этих сочинений имеет свои уникальные особенности, но также имеют много общих черт. Рассмотрение речей Максима на фоне Плутарха и Апулея дает возможность, для правильной интерпретации их содержательного и жанрового своеобразия.

Степень разработанности темы исследования

Обзор научной литературы разумно начать с диссертации Р. Родиха, которая была опубликована в 1879 г. Следует отметить, что последняя глава посвящена демонологии (De daemonibus) и в ней пересказаны речи VIII–IX[4]. В 1895 г. была опубликована латинская диссертация Г. Хобайна[5]. Вторая половина диссертации посвящена связи Максима с философскими школами и его источникам (De fontibus Maximi).

В первой части Хобайн высказал идею, которую потом повторил в статье для PWRE, что речи представляют собой импровизации на темы, предлагаемые публикой (αὐτοσχεδιάσματα)[6]. В 1899 г. в качестве приложения к журналу «Philologus» была опубликована работа К. Дюрра, посвященная языку Максима,

[4] Rohdich, R. De Maximo Tyrio theologo. Breslau: Typis Mauritii Boehmii, 1879. P. 45–49.
[5] Hobein H. De Maximo Tyrio quaestiones philologae selectae (diss.). Göttingen, 1895.
[6] Kroll W., Hobein H. Maximos von Tyros // PWRE XIV 2, (1930). Sp. 2559.

в которой автор на основе анализа языка и стиля речей указывает на то, что Максим находился под сильным влиянием аттицизма[7]. Максим упоминается и в других работах, но обычно как материал для сравнения. Как верно отмечает И. Ковалева в своей диссертации: «В Максиме видели только “материал для сравнения”, сам по себе он исследователей не привлекал – разве что высказывались предположения о его личности, – но и они в жанре примечания, а не сколько-нибудь обширной работы»[8]. Это хорошо отражает основную тенденцию исследователей Максима, существовавшую в XIX и первой половине XX века.

Из публикаций 20-30-х годов XX в. особого внимания заслуживает упомянутая выше статья в PWRE, написанная В. Кроллем и Г. Хобайном (вся часть статьи, написанная Хобайном, взята в квадратные скобки), в которой авторы относительно некоторых пунктов полностью расходятся во мнении (гипотеза об импровизационном характере речей).

Интерес ко Второй софистике, который во многом связан с появлением книги Г. Бауэрсока[9], а также выделение среднего платонизма как отдельного периода в истории античного платонизма, заслуживающего внимания, поспособствовали росту интереса в том числе к речам Максима[10]. Следует отметить монографию Я. Киндстранда, посвященную Гомеру в сочинениях Диона Хризостома, Элия Аристида и Максима Тирского[11]. Монография и статьи, которые по большей части вошли в виде глав в монографию, Мариана Шармаха рассматривают как отдельные речи, так и дают общий обзор творчества Максима[12]. Также Ж. Пюигалли опубликовал диссертацию о речах Максима и статьи, посвященные связи Максима с Дионом Хризостомом и Фаворином из

[7] Dürr K. Sprachliche Untersuchungen zu den Dialexeis des Maximus von Tyrus // «Philologus», Suppl. 8. München, 1899. S. 69.
[8] Ковалева И. И. Жанровая специфика речей Максима Тирского. (дисс.) М., 1990. С. 8.
[9] Bowersock G.W. Greek Sophists in the Roman Empire. Oxford: Clarendon Press, 1969.
[10] В книге Бауэрсока Максим не упоминается, так как сведения о его жизни слишком скудны, а у Диллона ему посвящена 1 страница в разделе «Some Miscellaneous Platonists». Dillon J. The Middle Platonists. New York: Cornell University Press, 1996. P. 399–400.
[11] Kindstrand, J. F. Homer in der zweiten Sophistik. Uppsala, 1973.
[12] Szarmach, M. Maximos von Tyros. Eine literarische Monographie. Torun, 1985.

Арелата[13]. В 1982–1983 гг. вышли две объемные статьи Г. Кониариса «On Maximus of Tyre: Zetemata I–II», которые должны были послужить предисловием к его критическому изданию[14]. Особого внимания заслуживают работы М. Траппа, который на сегодняшний день является одним из лучших специалистов по Максиму Тирскому. Защитив диссертацию по Максиму в 1986 г., он опубликовал критическое издание, английский перевод, а также написал статьи о Максиме для ANRW и Der Neue Pauly, которые упоминались выше, а также поучаствовал в издании V речи Максима в серии SAPERE[15].

В последнее время интерес к творчеству Максима не уменьшается, на что указывают монография Дж. Лоуэрса, а также его статья, посвященная I речи Максима[16]. Также в 2016 г. вышел сборник из 10 статей, изданный Ф. Фокье и Б. Перез-Жан, в котором затронута связь Максима с досократической традицией, Платоном, Гомером, Сократом. Также его речи рассмотрены в контексте сочинений Гермогена по риторике[17].

В России Максим Тирский практически не привлекал внимания ученых. Из сорока одной речи на русский переведены только три[18]. Небольшие отрывки из Максима появились в книге «Scythica et Caucasica» В. В. Латышева[19]. И. М. Нахов в своей работе, посвященной кинической литературе, упоминает

[13] Puigalli J. Maxime de Tyr et Favorinos //Annales de la Faculté des Lettres et des Sciences humaines de l'Université de Dakar 10 (1980). P. 45–62; Idem. Dion Chrysostom et Maxime de Tyr // Annales de la Faculté des Lettres et des Sciences humaines de l'Université de Dakar 12 (1982). P. 9–24; Idem. Etude sur le Dialexeis de Maxime de Tyr, conférencier platonicien du IIème siècle. Lille: Université de Lille, 1983.

[14] Koniaris, G. L. On Maximus of Tyre: Zetemata (I) // Classical Antiquity 1 (1982), 87–121; Idem. On Maximus of Tyre: Zetemata (II) // Classical Antiquity 2 (1983). P. 212–250.

[15] Ist Beten sinnvoll? Die 5. Rede von Maximus von Tyros. Trapp, M. B. (ed.) & Hirsch-Luipold, R. (ed.). Tübingen, 2019.

[16] Lauwers J. The Rhetoric of Pedagogical Narcissism: Philosophy, Philotimia and Self-Display in Maximus of Tyre's First Oration // Classical Quarterly 59, 2 (2009). P. 593–607; Idem. Philosophy, Rhetoric, and Sophistry in the High Roman Empire: Maximus of Tyre and Twelve Other Intellectuals. Leiden, Boston: Brill, 2015.

[17] Fauquier F., Pérez-Jean B. (eds.) Maxime de Tyr, entre rhétorique et philosophie au IIe siècle de notre ère. Montpellier, 2016.

[18] Максим Тирский. Следует ли почитать кумиры? Пер. С. Поляковой. // Поздняя греческая проза. / Сост. С. Полякова. М., 1961. С. 305–310; Максим Тирский. Предпочитать ли кинический образ жизни? Пер. Ю. Шульца. // Там же. С. 310–318; Максим Тирский. О том, следует ли молиться. Пер. И. Ковалевой. // Античность в контексте современности / под ред. А. А. Тахо-Годи И. М. Нахова. М., 1990. С. 196–204.

[19] Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893. С. 591–593.

Максима, анализируя его связь с кинической диатрибой[20]. Единственная работа по-русски, ставящая своей целью всестороннее филологическое исследование речей Максима, – это диссертация И. И. Ковалевой «Жанровая специфика речей Максима Тирского», защищенная в 1990 г. Ковалева рассматривает вопрос единства корпуса Максима и их место в истории среднего платонизма, а также анализирует речи, посвященные любовному искусству Сократа (XVIII–XXI).

Так как в диссертации основное внимание посвящено теме Сократа и его божества, то необходимо дать также обзор литературы, посвященный этому вопросу. Историю божества Сократа и его появление у античных писателей впервые подробно рассматривает работа А. Виллинга[21]. В этой работе автор последовательно разбирает контексты, где упоминается божество Сократа, от Платона и Ксенофонта до Гермия и Халкидия.

Следующей важной работой, посвященной божеству Сократа у поздних авторов, были доклады Ф. Оффмана «Le sage et son démon. La figure de Socrate dans la tradition philosophique et littéraire». Автор анализирует тексты, посвященные Сократу и его божеству, от Платона до Гермия и Прокла. В самом начале он выделяет две основные интерпретационные схемы: демонологическая (средний платонизм и неоплатонизм) и восходящая к Ксенофонту дивинаторная (стоицизм, Цицерон, средний платонизм)[22].

В 2000 г. вышла объемная статья К. Альт «Der Daimon als Seelenführer», в которой автор рассматривает развитие учения о даймоне-наставнике. Альт показывает, что в доплатоновской традиции нет четких свидетельств о существовании даймона-наставника. У Платона нет отчетливо сформулированного учения, но в разных диалогах излагаются разные концепции. От смерти Платона до Плутарха есть отдельные упоминания у

[20] Нахов И. М. Киническая литература. М., 1981. С. 178–185.
[21] Willing, A. De Socratis daemonio quae antiquis temporibus fuerint opiniones. Commentarii Jenenses 8. 2. Lipsiae, 1909. P. 125–183.
[22] Hoffmann Ph. Le sage et son démon. La figure de Socrate dans la tradition philosophique et littéraire // Conférence de Philippe Hoffmann in École pratique des hautes études, Section des sciences religieuses. T. 94 (1985-1986) P. 417–436; T. 95 (1986–1987) P. 295–305; T. 96 (1987–1988) P. 272–281.

Хрисиппа, Посидония и Филона. У средних платоников (Плутарх, Максим, Апулей) учение по этому вопросу разнится, при этом, по словам самого автора, «здесь встречаются некоторые специфические положения, которые не имеют параллелей в платоновской традиции»[23].

Интересную гипотезу о «Сократе-пифагорейце» предложил П. Донини в нескольких своих статьях. Он считает, что со времени Плутарха помимо «Сократа-скептика» развивается идея о пифагорейски окрашенном образе Сократа, которые встречается в сочинениях Плутарха, Апулея и Максима Тирского[24].

Особого внимания заслуживает статья А. Тимотина «La voix des démons dans la tradition médio- et néoplatonicienne», которая была опубликована в сборнике «Langage des dieux, langage des démons, langage des hommes dans l'Antiquité»[25]. Автор пишет о двух традициях в истолковании даймона Сократа. Он пишет, что речь Галаксидора (Pl. De gen. Socr. 9; 579F–580C) вполне соответствует объяснению Ксенофонта, который считал божество Сократа ничем иным, как разновидностью мантики (Xen. Mem. I. 1. 2–3). Такую же интерпретацию в большей или меньшей степени поддерживают Максим Тирский (VIII), Гермий в своем комментарии к «Федру» Платона (In Phaedr. Couvreur p. 67, 4–10), Халкидий в комментарии к «Тимею» (In Tim. 255). С другой стороны, Плутарх предлагает иное истолкование этого явление: Сократ слышал голос даймона высшей частью души, а не органами чувственного восприятия. Такое толкование развивают Апулей (DDS XIX. 164-165), Ямвлих (De myst. 9. 6) и Прокл (In Alc. I. 80.4–6; 14–17).

[23] Alt K. Der Daimon als Seelenführer: Zur Vorstellung des persönlichen Schutzgeistes bei den Griechen // Hyperboreus 6 (2000). S. 251.
[24] Donini P. Socrate „pitagorico" e medioplatonico // Elenchos 24 (2003). P. 333–359; Idem. Sokrates und sein Dämon im Platonismus des 1. und 2. Jahrhunderts n. Chr. // Apuleius. De deo Socratis, Über den Gott des Sokrates. Hrsg. von Matthias Baltes. Darmstadt 2004. S. 142–161.
[25] Timotin A. La voix des démons dans la tradition médio- et néoplatonicienne // Langage des dieux, langage des démons, langage des hommes dans l'Antiquité / Hoffmann Ph., Soares Santoprete L.G. (eds.). Turnout: Brepols, 2017. P. 137–152.

Цель и задачи работы

Целью данной работы является всесторонний анализ двух речей Максима Тирского.

Достижение указанной цели делает необходимым решение следующих конкретных задач:

- изучение релевантного литературного фона: необходимо рассмотреть место сочинений Максима Тирского в контексте Второй софистики;
- рассмотреть жанровое своеобразие диалексиса и его влияние на разработку философской темы;
- определить специфику композиции речей, их место в корпусе, выделить формальные и содержательные параллели с другими речами;
- рассмотрение традиции, связанной с Сократом и его божеством в литературе IV в. до н.э. – II в. н.э.: следует выделить основные тенденции, чтобы на их фоне рассмотреть образ Сократа у средних платоников;
- изучение среднеплатонической традиции в изображении Сократа и его божества, выделение общих черт, свойственных Плутарху, Апулею, определение традиционных мотивов и новых подходов в речах Максима на релевантном фоне;
- анализ демонологии Максима и ее отношение к основным тенденциям его времени.

Методология

Методология исследования основывается на традиционных методах филологического анализа текста. В диссертации применяется комплексный

анализ, который рассматривает жанровую природу и сюжетно-смысловую организацию текста.

Научная новизна

Научная новизна исследования заключается в том, что речи Максима Тирского рассматриваются как самостоятельный источник в традиции изображения Сократа и его божества. В результате исследования показано, что Максим Тирский служит важным источником для реконструкции религиозно-философских взглядов его времени. Если раньше риторическая обработка материала служила поводом для пренебрежительного отношения к текстам Максима, то данная диссертация в рамках интердисциплинарного подхода показывает, что риторическая обработка не принижает достоинство философского материала, но придает ему новую форму, которая позволяет воспринимать содержание на слух. В диссертации большое внимание уделяется вопросу публики, слушавшей речи, ее философской и общекультурной подготовленности. Это необходимо учитывать, чтобы понять композиционные и коммуникативные стратегии оратора.

Также в диссертации рассмотрены как общие воззрения Максима на демонологию, так и частные свидетельства (Ахилл на Белом острове в контексте демонологии, оракулы, аутопсия Максима), которые представляют большой интерес для реконструкции религиозно-философских воззрений I-III вв. н.э.

Практическая значимость

Практическое значение работы определяется тем, что ее выводы и исследовательская стратегия могут применяться при подготовке лекций, спецкурсов и спецсеминаров по античной литературе, философии среднего платонизма. Также выполненная работа может быть полезна при подготовке комментированных изданий и переводов речей Максима Тирского.

Положения, выносимые на защиту:

1) Рассмотрение речей Максима Тирского только с точки зрения риторики или философии приводит к предвзятым суждениям, которые препятствуют правильной интерпретации текста.

2) При изучении речей следует учитывать жанровое своеобразие диалексиса, которое влияет на изложение материала. Также следует учитывать целевую аудиторию оратора, их общую образованность и философскую выучку.

3) Речи Максима не были лекциями по философии, которые должны были содержать систематичное изложение материала. Скорее следует говорить о протрептическом характере речей, целью которых было привлечь внимание слушателей к философии.

4) Тема божества Сократа в разных философских школах имела разные пути развития. Уже у Платона и Ксенофонта нет единства в интерпретации, так как Платон спорадически упоминает δαιμόνιον, не включая его в учение о даймонах, а второй объясняет его в духе мантики. Традиция, восходящая к Ксенофонту, нашла отражение в сочинениях стоиков, также она хорошо засвидетельствована у Цицерона. Основное внимание в философских школах уделяется личности самого Сократа, а не его божеству.

5) В среднем платонизме (Плутарх, Апулей, Максим Тирский) интерес смещается с личности Сократа на его божество. На фоне развития демонологии возникает вопрос, как Сократ слышал голос своего даймона. Также сочинения Апулея и Максима свидетельствуют о попытках вписать божество Сократа в иерархию даймонов.

6) Речи Максима VIII–IX не ставят своей целью дать систематическое изложение учения о даймонах. Они должны послужить введением в эту область, популярную в среднем платонизме. Чтобы начать разговор о даймонах, Максим использует частный случай

Сократа, постепенно переходя к главной теме своих речей, – демонологии.

7) Речи Максима VIII–IX дают новый материал для реконструкции религиозно-философских воззрений I–II вв. н.э. Подробный рассказ о пещере Трофония (VIII.2), оракуле на Авернском озере (VIII.2), а также о культе Ахилла на Белом острове (IX.7) следует рассматривать на фоне сочинений Страбона, Павсания и Филострата. Интерпретация гомеровских богов как даймонов (VIII.5), являющихся людям, а также свидетельство об аутопсии (IX.7) также имеют параллели у других авторов, что указывает на популярность этих тем.

Апробация диссертации

Основные положения работы были представлены в виде докладов на следующих конференциях: на чтениях, посвященных памяти профессора И. М. Тронского (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 2014, 2020 гг.), на Ломоносовских чтениях (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2018).

Структура работы

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения (русский перевод речей VIII–IX Максима Тирского).

Основное содержание работы

Во **ВВЕДЕНИИ** отмечается актуальность исследования, освещается степень разработанности вопроса и его современное состояние, дается обзор литературы по теме работы, описываются рукописная традиция и основные издания Максима Тирского, использованные в работе, выявляются объект и предмет исследования, его научная новизна, обозначается практическая значимость исследования, описывается методология, использованная в работе, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **ПЕРВОЙ ГЛАВЕ** диссертации **«Специфика композиции речей Максима»** рассматриваются тематическое и жанровое своеобразие корпуса, реконструируется целевая аудитория Максима, а также описываются некоторые аспекты композиционной техники оратора.

Раздел 1.1 главы посвящен предварительным замечаниям, касающимся литературного и философского контекста эпохи. Прежде чем говорить об отнесении Максима Тирского ко Второй софистике, определяются границы этого литературного течения[26]. Д. Рихтер и У. Джонсон приводят следующие отличительные черты, характеризующие Вторую софистику: ностальгия по идеализированному классическому прошлому, архаизм и пуризм в языке, выступление на публике (sophistic performance), пайдейя и эрудированность, рассуждения о греческой самоидентификации[27]. Речи Максима, с одной стороны, отвечают приведенным выше критериям, с другой стороны, его речи не чистое эпидейктическое красноречие, так как в них значительную роль играет философское содержание.

Есть все основания относить его к той группе философов-риторов, о которых Филострат говорит в I книге: «В былые времена софистами именовали не только тех, кто повсеместно прославился красноречием, но в равной мере и любомудров, ежели слог их отличался изяществом, так что надобно сперва сказать о сих последних, раз уж, не будучи софистами, они слыли и назывались таковыми» (VS 484; пер. Е. Г. Рабинович).

Филострат не упоминает Максима, но много говорит о Дионе Хризостоме (VS 487–488) и Фаворине из Арелата (VS 489–492), сочинения которых по форме и содержанию напоминают речи Максима. То есть гипотетически можно сказать,

[26] В этом вопросе нет единства среди исследователей. Хороший обзор мнений дается в издании «Жизней софистов» Е. Г. Рабинович, где она также предлагает свою гипотезу, что «софистами» Флавий Филострат называет риторов, способных произносить речи ex tempore. См. Флавий Филострат. Жизни софистов / Издание подготовили Ф. Г. Беневич, А. А. Ветушко-Калевич, А. А. Кладова и Е. Г. Рабинович. Под общей редакцией Е. Г. Рабинович. М. 2017. С. 442–486.

[27] Johnson W. A., Richter D. S. (eds.) The Oxford Handbook of the Second Sophistic. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 15.

Филострат отнес бы Максима именно к этой группе, если бы упоминал его сочинения[28].

Что касается философского контекста речей, то Максима относят к среднему платонизму. В рукописи R (Parisinus Graecus 1962) он обозначен как πλατωνικὸς φιλόσοφος. Сомнения высказывались относительно его платонизма, так как некоторые исследователи считали его эклектиком[29]. Также презрительное отношение к его речам, берущее начало от И. Я. Райске[30], поставило вопрос о возможности отнесения его к философам. Эти сомнения возникают из-за предвзятого мнения, что философия должна излагаться строго и систематично, как например, в «Учебнике платоновской философии» Алкиноя. Для Максима, как и для Диона Хризостома или Апулея, философия не сводилась исключительно к догматическому учению. Они рассматривают философию как образ жизни, способствующий достижению счастья.

Раздел 1.2 дает обзор жанрового и тематического разнообразия корпуса Максима. Рассматриваемые в диссертации речи VIII–IX относятся к циклам, как и речи XVII–XXI, посвященные любовному искусству Сократа, XXX–XXXII, посвященные вопросу добродетели и наслаждения.

Особое внимание уделяется жанру диалексиса. Сам Максим, как мы это видим из текстов, называет свои речи λόγοι (I passim, II.9, VI.4, VII.6, X.6, XI.1) или σκέματα (II.9, III.2, IV.2, XXXI.1, XL.2). В древности их также определяли как φιλόσοφα ζητήματα («Суда»), φιλοσοφούμενα или διαλέξεις (обозначение в рукописи R). Дать точную жанровую характеристику речей Максима практически невозможно, поэтому их следует скорее включить в общую

[28] Выше уже упоминались статьи Ж. Пюигалли, посвященные параллелям у Максима, Диона и Фаворина. Сходство Максима с Дионом и Фаворином отмечает также С. Брумана. Massimo di Tiro, Dissertazioni. Saggio introduttivo, traduzione, note e apparati di Selene I. S. Brumana. Milano: Bomnpiani, 2019. P. 29.

[29] См., например: Soury G. Aperçus de philosophie religieuse chez Maxime de Tyr, platonicien éclectique. La prière, la divination, le probléme du mal. Paris: Les Belles Lettres, 1942. P. 7; Koniaris, G. L. On Maximus of Tyre: Zetemata (II) // Classical Antiquity 2 (1983). P. 232–243.

[30] Maximi Tyrii Dissertationes ex recensione Ioannis Davisii Colleg. Regii Cantab. Praesidis Editio Altera ad duos codd. mss. emendata notisque locupletioribus aucta cui accesserunt Ier. Marklandi Coll. D. Petri Cantabrig. Socii Annotationes. Recudi curavit et annotatiunculas de suo addidit Io. Iacobus Reiske. I–II. Lipsiae, 1774–1775. P. III–V.

традицию дидактической литературы, куда также входят «Беседы» Эпиктета, «De audiendo» Плутарха или «Аттические ночи» Авла Геллия. Самую близкую параллель с речами Максима – выступление перед эфесянами Аполлония Тианского (Phil. VA 4.2) – указал в своей монографии Дж. Лоуэрс[31].

В **разделе 1.3** рассматриваются аудитория Максима и его авторская позиция. В первой речи встречается обращение «ὦ νέοι», что говорит о молодом возрасте слушателей. Есть также косвенное указание, что слушатели – обеспеченные люди (IV.6). Публика, к которой обращены речи, должна быть образованной и понимать все те аллюзии, отсылки или цитаты, которыми активно пользуется автор. Они должны знать греческую историю, к которой постоянно обращается Максим.

Что касается философской подготовленности, то она, если судить по текстам, не требовалась. Когда автор говорит на философские темы (бог согласно Платону, демонология, теория познания), он не использует сложной терминологии, совершенно игнорирует вопросы логики. То есть от публики для понимания содержания требуется скорее общая образованность, чем специальная философская выучка.

Разделы 1.4–1.6 посвящены композиционной технике речей VIII–IX. Эти речи составляют единый цикл, хотя в некоторых пунктах учения о даймонах есть расхождения. Анализ композиции дает представление о композиционных стратегиях Максима. Значительную часть речи (5 или 6 глав) занимает догматический материал (даймон Сократа или природа даймонов), затем небольшой отрывок, отвечающий на вопрос, какое отношение изложенный материал имеет к простому человеку, т.е. слушателю речей. В конце должен быть привлекающий внимание яркий финал. Это хорошо видно в конце IX речи, где Максим рассказывает популярный миф об Ахилле на Белом острове, а затем приводит свидетельство аутопсии. По его словам, он сам видел Асклепия,

[31] Lauwers J. Philosophy, Rhetoric, and Sophistry in the High Roman Empire: Maximus of Tyre and Twelve Other Intellectuals. Leiden, Boston: Brill, 2015. P. 131.

Диоскуров и Геракла (IX.7). В VIII речи заключение нейтрально (цитата из Гесиода, упоминание Платона, Сократа, Пифагора и Диогена), что может указывать на то, что завершается только речь (первая часть цикла), но не тема демонологии (VIII.8).

Особое внимание в диссертации уделено роли вступления. Обычно Максим не начинает свои речи сразу с основного вопроса, но предпочитает подвести слушателя к теме через миф, исторический рассказ, цитату из поэтов. Речи о даймоне Сократа входят в число тех, у которых нет вступления, но сразу начинается изложение материала. Но при более тщательном рассмотрении можно заметить, что начало восьмой речи представляет собой большое введение перед изложением догматического материала. Это становится хорошо заметно, если сравнить речи VIII–IX с XI речью, посвященной божеству согласно Платону.

У этих речей есть явные параллели, которые можно увидеть уже в их построении. Обширные введения (VIII.1–6 и XI.1–6) предшествуют изложению догматического материала (VIII.7–IX.6 и XI.7–12). В этих вводных частях используются схожие схемы аргументации. В VIII речи после похвального слова в честь Сократа Максим спрашивает предполагаемого оппонента: «ты думаешь, что это Сократ не был достоин божества, или само божество, в других случаях способное помогать, здесь было бессильно?» (VIII.6). В XI речи мы видим схожее построение: после похвалы Платону Максим спрашивает, вовсе ли отрицает собеседник возможность существования божества или его представления отличаются от того, чему учил Платон? (XI.3).

В дальнейшем Сократ и Платон почти не упоминаются в речах. Очевидно, что у Максима есть разработанный материал – демонология и теология, но приступить к ним без подготовки не представляется возможным. Поэтому автор использует имена авторитетных философов, чтобы, с одной стороны, привлечь внимание к содержанию, с другой стороны, наделить ее достоверностью и глубиной.

Раздел 1.7 посвящен рассмотрению гипотезы Г. Хобайна, согласно которой речи Максима представляют собой импровизации. Опровергнуть или доказать это предположение не представляется возможным, так как нет критериев, по которым можно было бы определить, произнесена ли речь ex tempore или же приготовлена заранее. Но одно наблюдение Хобайна, которое он считал доказательством своей идеи, до сих пор оставалось без внимания исследователей: в циклах речей (VIII–IX, XI, XVIII–XXI, XXIX–XXXIII) ритор делает резкий переход с частного случая на хорошо подготовленный материал.

Анализ этих речей показывает, что следует говорить скорее о восхождении от частного к общему. Максим выбирает частный случай Сократа и его божества, чтобы перейти к демонологии (VIII–IX). В XVIII–XXI любовное искусство Сократа дает возможность говорить об истинной любви, представителем которой был Сократ. В XI речи Максим также остается в рамках заявленной темы. Он говорит о трансцендентном божестве, которое невозможно познать органами чувства. Затем в духе современного ему платонизма он излагает способы познания бога. В последнем цикле, где Хобайн отмечал переход с критики Эпикура на общее рассуждение о добродетели и наслаждении, исследователь, возможно, не достаточно точно определил основную тему цикла. Речи посвящены не критике Эпикура, а счастью и высшему благу как целям человеческой жизни. Указывая на противоречия философов в этом вопросе, он в том числе опровергает учение Эпикура.

ВТОРАЯ ГЛАВА диссертации «**Сократ и его божество в литературной традиции с IV в. до н.э. по II в. н.э.**» посвящена обзору традиций изображения Сократа и его божества в литературе IV в. до н.э.–II в. н.э.

В **разделах 2.1–2.3** рассматриваются тексты Платона, Ксенофонта и диалоги платоновского корпуса «Алкивиад I» и «Феаг». В диалогах Платона обращение к τὸ δαιμόνιον никак не связано с демонологией, которая также играет некоторую роль в платоновском корпусе. Если обратиться к контекстам платоновских диалогов, в которых упоминаются даймоны, то их, вслед за А.

Тимотиным[32], можно разделить на четыре категории: 1) Эрот-даймон из диалога «Пир» (Pl. Symp. 201d–212c); 2) индивидуальные даймоны, которые даются каждому человеку (Resp. 617d–e, 620d–e; Phaed. 107d–e); 3) даймоны-правители в царстве Кроноса (Pl. Leg. IV, 713d–e; Crat. 397e–398c, Pol. 271c–274d); 4) даймон – высшая часть души (νοῦς) (Tim. 90a–b).

Основной интерес представляют пункты 1, 2, 4, и именно они вызовут наибольший резонанс в последующих эпохах, особенно в платонизме I-II веков по Р. Х. К. Альт в своей статье, посвященной теме даймона как сопроводителя души, отмечает, что из текстов Платона следует три возможные интерпретации индивидуального даймона: божество дает каждому человеку сопровождающего его даймона (см. Phaed. 107d–e), душа сама выбирает своего даймона (см. Resp. 617d–e; 620d–e) и даймон является божественной частью человеческой души (Tim. 90a–c)[33].

В диалогах Платона регулярно упоминается также δαιμόνιον Сократа, который не включен в учение о даймонах. Единственный случай, когда Платон ассоциирует δαιμόνιον с даймонами, это Apol. 27d-28a, где Сократ опровергает обвинение в том, что он вводит καινὰ δαιμόνια.

В сократических сочинениях Ксенофонта τὸ δαιμόνιον фигурирует в разных контекстах. Когда Ксенофонт говорит о божестве Сократа, он пытается вписать его в традиционное учение о мантике. Чтобы опровергнуть обвинение в введении новых богов, Ксенофонт пытается объяснить божественный голос Сократа как особый вид предсказания, способности предвидеть будущее через внешние явления. Другие люди узнают указания богов через птиц, голоса или приметы, а Сократ называл то же самое искусство божественным знаком (Xen. Mem. 1.1.3–4; Ap. 12–13).

[32] Timotin A. La démonologie platonicienne. Histoire de la notion de daimōn de Platon aux derniers néoplatoniciens. Leiden, Boston: Brill, 2012. P. 37.
[33] Alt K. Der Daimon als Seelenführer: Zur Vorstellung des persönlichen Schutzgeistes bei den Griechen // Hyperboreus 6 (2000). S. 229.

Диалог «Феаг», который входит в платоновский корпус, но очевидно не принадлежит Платону, играет важную роль в развитии учения о божестве Сократа. Если в подлинных платоновских диалогах божество упоминается достаточно коротко, то в «Феаге» ему посвящена заключительная часть диалога. Также в начале диалога «Алкивиад I» упоминается божество Сократа (Alc. I. 103a). Анализируя лексику диалогов Платона, М. Джойал в своей статье показал, что «Феаг» и «Алкивиад I» сыграли важную роль в объединении божества Сократа с традиционным представлением о даймонах[34]. Нет никаких точных указаний, когда произошло это слияние, но предположение О. Жигона, что Ксенократ, разрабатывая учение о даймонах, включил также в систему δαιμόνιον Сократа, кажется вполне вероятным[35].

Раздел 2.4 посвящен образу Сократа у стоиков. В стоической школе с самого начала ее существования личность Сократа играла важную роль. Нельзя сказать конкретно, как именно ранние стоики изображали Сократа. Начиная с Посидония, Сократ становится образцом для подражания, который и в отношении жизни, и в отношении учения был истинным стоиком. Единственное в Сократе, что было неприемлемо для стоицизма, была его ирония, так как насмехаться свойственно немудрому мужу (SVF III. 630). Во всем остальном Сократ отвечал требованиям идеального стоического мудреца.

Стоики уделяли особое внимание способности Сократа к провидению. Как известно, мантика, предсказание и астрология играли важную роль в стоицизме[36], поэтому пророческая способность Сократа, связанная с его божеством, также вызывала у них особый интерес. По свидетельству Цицерона, Антипатр собрал свидетельства о пророчествах Сократа (Cic. De Div. 1. 123).

---

[34] Joyal M. Tradition and innovation in the transformation of Socrates' Divine Sign // The Passionate Intellect: Essays on the Transformation of Classical Traditions presented to Professor I.G. Kidd / Ayres L. (ed.) New Bruswick: Routledge, 1995. P. 39–56.

[35] Gigon O. Sokrates. Sein Bild in Dichtung und Geschichte. Tübingen, Basel: Francke Verlag, 1994. S. 164.

[36] Такое отношение стоиков к предсказаниям соответствует их учению о судьбе и провидении. См. Sandbach F. The Stoics. (2nd Ed). London: Gerald Duckworth and Co, 1994. P. 79–82.

Обзор римского стоицизма начинается с Эпиктета, который регулярно обращается к образу Сократа. Наиболее важные цитаты из Эпиктета, где говорится о Сократе, посвящены двум темам: пример жизни Сократа как истинного философа и сократический метод беседы (ἔλεγχος). Эпиктет почти не уделяет внимание божеству Сократа или его профетическим способностям. Есть только один контекст, где говорится, что именно бог посоветовал Сократу заниматься опровержением (3.21.19).

Имя Сократа встречается также практически во всех этических сочинениях Сенеки, другого представителя римского стоицизма. Сенека продолжает стоическую традицию в изображении Сократа. В его сочинениях Сократ постоянно выступает в качестве образца истинного стоического философа, особое внимание уделяется его добровольному принятию смерти, но нигде нет упоминания его божества.

В **разделе 2.5**, посвященном кинической традиции, основное внимание уделено речам Диона Хризостома. Дион Хризостом изображает Сократа в русле той кинико-стоической традиции, которая проявилась уже у Эпиктета и других представителей стоицизма. Сократ изображается идеальным воплощением морально-этических установок обеих школ.

В **разделе 2.6** рассматривается образ Сократа у скептиков. Большая часть раздела посвящена скептической Академии. Аркесилай, изображая Сократа скептиком, основывается на том, что Сократ в ряде диалогов Платона говорит о собственном незнании. Вероятно, именно Аркесилай был изобретателем образа Сократа-скептика. Он хотел показать, что его обращение к скептицизму вполне обоснованно, так как он не вносит ничего нового, но лишь реставрирует учение, последователем которого был Сократ. Но, как видно, образ Сократа-скептика просуществовал максимум до Антиоха Аскалонского, который вычеркнул его из числа предшественников Аркесилая. Что касается скептицизма вне стен Академии, то там Сократ вовсе не воспринимался как истинный скептик, что видно из свидетельств Секста Эмпирика.

В **разделе 2.7** дается краткий обзор антисократической традиции, представителями которой были перипатетики и эпикурейцы. Среди перипатетиков пользовалась популярностью биография Сократа, написанная Аристоксеном (fr. 51–54a Wehrli), в которой приводилось много порочащих фактов, которые опровергались в сочинениях Панэция Родосского[37].

Аналогичную позицию по отношению к Сократу занимали представители эпикурейской школы, для которых были неприемлемы многие тезисы сократического учения. Опровержению взглядов эпикурейца Колота посвящено сочинение Плутарха, в котором, в том числе, критикуются суждения Колота о Сократе.

Раздел 2.8 посвящен сочинениям Цицерона, где также регулярно упоминается имя Сократа. Цицерон в первую очередь воспринимал Сократа как основателя этической философии. Жизнь Сократа и его смерть также играют важную роль в сочинениях Цицерона, что соответствует стоико-кинической традиции Exemplum Socratis. Божеству Сократа, судя по приведенным цитатам, Цицерон не придавал особого значения. Приводятся лишь общие сведения, восходящие к Платону (божество запрещало, а не побуждало), Ксенофонту или стоику Антипатру. Следует также отметить, что тема божества затрагивается только в речи Квинта Цицерона, мнение которого сам Цицерон опровергает во второй книге «О дивинации».

Для рассмотрения текстов Плутарха, Максима Тирского и Апулея также было необходимо рассмотреть свидетельства их современника Лукиана (**раздел 2.9**) и некоторых христианских писателей (**раздел 2.10**), чтобы лучше понять релевантный фон среднеплатонической традиции. В сочинениях Лукиана Сократ не играет особой роли, а все упоминания сводятся к популярным историям, которые хорошо представлены у Диогена Лаэртия.

[37] По свидетельству Плутарха, Панэций написал сочинение о Сократе, в котором он отрицает, что Сократ взял в жены Мирто, внучку Аристида (Plut. Arist. XXVII).

У христианских писателей II в. также упоминается Сократ, особое внимание его личности уделил св. Иустин Философ. Все упоминания сводятся по большей части к несправедливому обвинению и казни, что хорошо согласуется со стоико-кинической традицией.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА диссертации «**Речи Максима Тирского в контексте платонизма I-II веков н.э**.» представляет собой анализ речей Максима Тирского в контексте платонизма I–II вв. н.э. В I-II веках именно в платонической традиции интерес к личности Сократа переходит к его божеству. А. Тимотин в своей фундаментальной монографии, посвященной платоновской демонологии, выделяет три основных пункта, связанных с даймоном Сократа, которые интересовали писателей этой эпохи: дивинация, типология даймонов, язык даймонов (способы общения с человеком). Именно в контексте этих вопросов в диссертации рассмотрены речи Максима Тирского.

Первая тема – язык даймонов и способ общения с человеком. Иллюстрацией и главным объектом исследования в этом вопросе является личность Сократа. Во многом вопрос о его способности слышать божественный голос послужил причиной для появления текстов Плутарха, Максима и Апулея. Это вовсе не значит, что писателям было интересно исключительно божество Сократа.

Разделы 3.1 и 3.2 посвящены образу Сократа у Плутарха и Апулея. В корпусе Плутарха основной материал дает диалог «О демоне Сократа», но учитываются также «Платоновские вопросы» и «Против Колота». В диалоге «О демоне Сократа» интерес Плутарха направлен в первую очередь к религиозной стороне вопроса: как божество разговаривало с Сократом. В диалоге, который происходит в доме Симмия, участвуют несколько человек. Сначала высказывают мнение прорицатель Феокрит, который объясняет божество Сократа как некое видение (ὄψις), которое приходило на помощь Сократу в трудных вопросах (10; 580C–F). Галаксидор все объяснял через традиционную мантику, считая, что божество Сократа могло быть обычным чиханием или другим шумом, который

подсказывал Сократу, как следует поступить (9; 579F–580C). Затем идет большая речь Симмия, где говорится об особенной способности Сократа непосредственно слышать божество (20; 588C–589F). Потом Симмий пересказывает видение Тимарха в пещере Трофония, где даймон Сократа ассоциируется с высшей частью души (22; 589F–592F). Заканчивается разговор о даймоне Сократа речью пифагорейца Феанора, который объясняет, что даймоны – это души умерших, помогающие живым (24; 593A–594A).

У Апулея Сократ появляется в рассуждении об индивидуальном даймоне-наставнике (DDS XVI. 156), тем самым соединяя предшествующее учение о даймонах с конкретными примерами роли даймонов в жизни человека. Сократ слушал своего даймона, потому что есть области, чуждые мудрости (sicubi locorum aliena sapientiae officiis consultatio), где даже мудрецу требуется обратиться к наставлению божества. Апулей обращает внимание на то, что даймон никогда не побуждал Сократа к действию, но только запрещал (DDS XIX. 162–163). В отличие от гадателей, Сократ не был суеверным и слушал не человеческий голос, но божественный. Далее Апулей делает интересное замечание, что, по его мнению, Сократ не только слышал некий голос, но и зрением воспринимал знаки своего даймона. Подобно тому, как Ахилл видел Минерву, также и Сократ мог видеть образ своего даймона (DDS XX. 166). Апулей ссылается на учение пифагорейцев, засвидетельствованное Аристотелем, о способности людей видеть даймонов (DDS XX. 166–167).

Образ Сократа в речах Максима рассматривается в **разделе 3.3**. В речах VIII–IX Сократ появляется только в начале речи VIII. Уже в самом начале Максим обращается к предполагаемому собеседнику, сомневающемуся в существовании личного божества у Сократа:

«Ты удивляешься тому, что у Сократа было божество – благожелательное, дающее предсказания, всегда сопутствующее ему и почти неотделимое от его ума – у него, который был чист телом, прекрасен душой, скромен в повседневной

жизни, мыслью силен, в речах искусен, в божественном благочестив, с людьми честен». (VIII.1)

Далее Максим проводит параллель между оракулами и божеством Сократа. Главный его аргумент состоит в том, что раз жрецы в Дельфах, Додоне, в пещере Трофония способны узнавать будущее от божества, так же и Сократ мог слышать его.

Затем Максим переходит на тему демонологии и упоминает имя Сократа один раз в ряду других философов (Пифагор, Диоген, Платон). Хотя Сократ не играет ключевую роль в этих речах, очевидно, что его фигура представлена в несколько необычном свете. Если для других авторов (Эпиктета, Сенеки, Диона Хризостома) важна личность Сократа, его смерть или способ ведения беседы с окружающими, то в платонической традиции основное внимание уделяется его божеству.

На фоне обзора, данного в начале главы, в **разделе 3.4** ставится вопрос об общих тенденциях в изображении Сократа, свойственных среднему платонизму. Значительная часть этого раздела – анализ гипотезы П. Донини, который в нескольких работах писал о «Сократе-пифагорейце»[38]. Далеко не все его аргументы кажутся убедительными, что показано в тексте диссертации. Едва ли стоит говорить непосредственно о Сократе-пифагорейце, но скорее о Сократе среднеплатонической традиции, которая испытывала несомненный интерес к пифагореизму. На первый план выходят не этическое совершенство Сократа, как это было у стоиков, не его учение о познании или метод ведения беседы, но его способность слышать божество.

Раздел 3.5 представляет собой анализ демонологии Максима Тирского. О природе даймонов Максим говорит в двух речах по-разному. В VIII речи сказано, что даймоны – это посредники между людьми и богами, которые соединяют две

[38] Donini P. Socrate „pitagorico“ e medioplatonico // Elenchos 24 (2003). P. 333–359; Idem. Sokrates und sein Dämon im Platonismus des 1. und 2. Jahrhunderts n. Chr. // Apuleius. De deo Socratis, Über den Gott des Sokrates. Hrsg. von Matthias Baltes. Darmstadt 2004. S. 142–161.

несоединимые природы. Дальше Максим говорит, что даймоны помогают людям, являются им и дают им то, что люди вынуждены просить у богов (VIII.8).

Из VIII речи мы узнаем, что даймоны получают в удел тела выдающихся философов. Остается не ясным, может ли обычный человек получить даймона или это привилегия богоизбранных людей (Сократ, Платон, Пифагор).

В IX речи рассуждение о природе даймонов ведется посредством метода Аристотеля[39]. Бог – бесстрастный и бессмертный (κατὰ τὸ ἀπαθὲς καὶ ἀθάνατον), даймоны – бессмертные и страстные (κατὰ τὸ ἀθάνατον καὶ ἐμπαθές), люди – смертные и страстные, животные – неразумные и способные к восприятию (κατὰ τὸ ἐμπαθὲς καὶ θνητόν), растения – одушевленные, но неспособные к восприятию (κατὰ τὸ ἔμψυχον καὶ ἀπαθές). Даймоны, следовательно, выступают в качестве среднего звена между двумя несводимыми противоположностями (между бесстрастным и бессмертным богом и страстными и смертными людьми). Даймоны – это души людей, оставившие свое тело, но продолжающие проявлять заботу о людях (IX.6).

В последней главе Максим говорит о даймонах, продолжающих заниматься теми искусствами, которыми они занимались на земле, поэтому и Асклепий сейчас продолжает лечить, Геракл – показывать свою силу, Дионис – справлять вакханалии, Амфилох – предсказывать, Диоскуры – плавать по морю, и Минос – судить, Ахилл – вооружаться (IX.7).

В этом разделе дается также сравнение демонологии Максима и Апулея. При сравнении основных черт видно, что изложение Апулея более подробное и систематичное[40]. Максим не выделяет разные виды даймонов, в то время как

[39] Едва ли можно говорить о перипатетическом влиянии на Максима, так как он использует популярные в его время методы, которые уже перестали ассоциироваться с Аристотелем или перипатетической традицией. Это явление хорошо проиллюстрировал Дж. ван Винден на материале аристотелевского аргумента regressio ad infinitum, который во II в. н.э. использовался представителями всех философских школ. van Winden J. C. M. An early Christian philosopher Justin Martyr's Dialog with Trypho. Chapters one to nine. Leiden: Brill, 1971. P. 98.

[40] Ж. Божо пишет, что демонология Максима Тирского более простая и ясная, в то время как Апулей безуспешно пытается систематически изложить материал. Apulée. Opuscules philosophiques et fragments. Ed. Beaujeu J. Paris: Les Belles Lettres, 1973. P. 230.

Апулей разделяет их на высших и низших, проводя более подробное деление в каждой из групп. Некоторые очевидные общие черты между текстами Максима и Апулея есть: страстная природа даймонов, функция посредников. С. Харрисон высказал предположение об общем греческом источнике, на котором основываются Максим и Апулей[41]. Говорить об одном источнике было бы слишком поспешно, но общие черты указывают на единую традицию, в рамках которой они были написаны. Демонология явно существовала как популярное, но четко не сформулированное учение.

Последний аспект, рассмотренный в разделе 3.5, – связь даймонов с оракулами и прорицаниями. Максим уделяет большое внимание пещере Трофония и пещере на Авернском озере (VIII.2). В первой главе Максим уже упомянул всем известные Дельфийский, Додонский оракулы. Также он упоминает об оракуле Аполлона в Кларосе, который стал популярен как раз в I–II веках н.э[42]. Можно предположить, что оракул Трофония и оракул на Авернском озере к этому времени уже прекратили функционировать, поэтому слушателям требуется объяснение, которое также показывает эрудированность оратора[43]. Еще одна важная деталь, которую Максим специально подчеркивает, – это то, что в обоих святилищах люди сами слышали пророчества от божества (ὑποφήτης αὐτάγγελος в пещере Трофония). В Дельфах, Додоне и Кларосе жрецы сообщают волю божества, а в пещере Трофония и на Авернском озере люди вступали в непосредственный контакт с божеством, как это было в случае с Сократом.

Анализу последней главы IX речи посвящены **разделы 3.6 и 3.7.** Так как IX.7 завершает большой цикл, посвященный демонологии, Максим Тирский должен произвести впечатление на слушателей заключительными предложениями. Для этого автор использует аутопсию (Максим сам видел

[41] Harrison S. J. Apuleius. A Latin Sophist, Oxford: Clarendon Press, 2000. P. 139.
[42] Parke, H. W. The Oracles of Apollo in Asia Minor. London: Croom Helm, 1985. P. 142–170.
[43] П. Боншер пишет, что почитание оракула, возможно, прекратилось уже во II в. до н.э. Bonnechere P. Trophonios de Lébadée: Cultes et mythes d'une cité béotienne au miroir de la mentalité antique. Leiden: Brill, 2003. P. 327.

даймонов), а также литературные топосы: как вечные – гомеровские боги и герои, так и современные (т.е. популярные во Второй софистике) – Ахилл на Белом острове[44].

В **ЗАКЛЮЧЕНИИ** формулируются выводы исследования. Очевидно, что речи Максима Тирского должны рассматриваться исключительно в контексте и Второй софистики и среднего платонизма. Рассмотрение только риторических или только философских аспектов приводит к неправильной интерпретации текстов.

С точки зрения жанра речи Максима Тирского близки сочинениям Диона Хризостома и Фаворина из Арелата. Речи VIII–IX представляют собой единый блок, посвященный философскому вопросу, при этом входящий в цикл сократических речей (III, VIII–IX, XVII–XXI). Важную роль в композиции речей играет фигура Сократа, который позволяет автору начать говорить об индивидуальном даймоне, чтобы затем перейти к демонологии в целом. Вслед за Х. Кампос-Дарокой можно говорить о протрептической функции образа Сократа в речах Максима, так как он помогает автору подойти к изложению философского материала[45].

Обращение Максима Тирского к теме Сократа и его даймона должно рассматриваться в контексте диалога Плутарха «О демоне Сократа» и речи Апулея «О божестве Сократа». В период с IV в. до н.э. вплоть до I–II вв. н.э. наибольший интерес вызывает личность самого Сократа, его учение, образ жизни, несправедливое обвинение и смерть. Если и встречаются какие-либо упоминания божества, то они интерпретируются в рамках традиционной мантики.

[44] На популярность мифа об Ахилле на Белом острове указывают параллели у Флавия Филострата (Her. 54) и Арриана (PPE 21).
[45] О протрептической роли образа Сократа см.: Campos Daroca F. J. Maxime de Tyr, Socrate et les discours selon la philosophie // Maxime de Tyr, entre rhétorique et philosophie au IIe siècle de notre ère / Fauquier F., Pérez-Jean B. (eds.). Montpellier, 2016. P. 95–122.

Новая тенденция, возникшая в I–II вв. н.э. заключается в том, что основной интерес уделяется способности Сократа слышать божество. При сравнении текстов Плутарха, Максима и Апулея становится ясно, что этот интерес связан с развитием демонологии в среднем платонизме. Если Плутарх по большей части говорит об уникальности Сократа и его способности слышать даймонов, то Максим Тирский и Апулей делают основной упор на демонологии.

В демонологии Максима нет каких-либо оригинальных пунктов, которые бы отличали ее от школьного платонизма I–III вв. н.э. На это указывают как параллели с Апулеем, Алкиноем и Плутархом, так и отсылки к диалогам Платона, на которые опирается автор. В отличие от Апулея Максим не пытается дать систематическое изложение, но больше внимания уделяет необходимости существования даймонов как посредников между трансцендентным богом и миром людей.

Такое, на первый взгляд, бессистемное изложение материала объясняется как жанровым своеобразием речей, так и подготовленностью публики. Максим не ставит себе задачу систематически изложить платоновскую демонологию, но лишь познакомить публику с религиозно-философской темой, пользующейся популярностью в его время. С одной стороны, Максим активно использует риторические приемы, чтобы привлечь внимание слушателей, с другой стороны, он использует научные рассуждения, чтобы придать авторитет своим речам.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ:

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М. В. Ломоносова:

1. Беликов Г. С. Рецензия на книгу: Альберт К. О понятии философии у Платона / Пер. с немецкого, предисловие и примечания М. Е. Буланенко // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2.46 (2013). С. 151–154.
2. Беликов Г. С. К вопросу об источниках Plut. de gen. socr. 20; 588c-589f // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 18 (2014). С. 32–39.
3. Беликов Г. С. Композиционная техника Максима Тирского // Индоевропейское языкознание и классическая филология 24 (2020). С. 987–998.
4. Беликов Г. С. Рецензия на книгу: R. Hirsch-Luipold, M. Trapp (Hrsg.) Ist Beten sinnvoll? Die 5. Rede von Maximus von Tyros. Tübingen, 2019 // Вестник древней истории 80.3 (2020). С. 791–797.

Публикации в других научных изданиях:

1. Беликов Г. С. Культ Ахилла Понтарха у Максима Тирского (or. 9.7) // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. IV / Отв. ред. А.В. Подосинов (Труды исторического факультета МГУ. Серия III. Instrumenta studiorum. Т. 83). М.: Индрик, 2016. С. 66–71.
2. Беликов Г. С. Рецензия на книгу: Chernyakhovskaya O. Sokrates bei Xenophon: Moral – Politik – Religion. Tübingen 2014 // Аристей. 15 (2017). С. 235–240.
3. Беликов Г. С. Сократ в речах 8–9 Максима Тирского // Homo omnium horarum: Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова / Под ред. А.В. Белоусова и Е.В. Илюшечкиной. М., 2020. С. 55–63.